

Пřeložte tučně označené části. Svůj překlad vložte do odevzdáárny do 21.10.

Celý text je možné přečíst [zde](#).

Více o autorovi [zde](#).

Андрей Курков

Последняя любовь президента

1.

Москва. Январь 2013 года.

На празднование Четырехсотлетия династии Романовых ехали на двух скорых поездах. Первый во всю длину покрасили в цвета украинского флага, второй – в цвета российского. Когда проводили пробный прогон, я наблюдал из вертолета и не мог сдержать восторга. Два поезда, как два длинных флага, проехали двадцать километров, выдерживая дистанцию в триста метров. Еще в вертолете я подумал, что даже эффективнее было бы пустить их по параллельным путям, чтобы никто не мог меня обвинить в неуважении к Российской Федерации. Мол почему российский поезд-флаг едет следом за украинским. Но враги на то и враги, чтобы быть в состоянии из любой ситуации высосать повод для провокации.

В официальную делегацию Украины взяли только самых крепких. Весь декабрь по вечерам тренировались в Конча-Заспе. Благодаря военному оцеплению тренировки делегации прошли незаметно для свободной прессы. Хотя без жертв не обошлось. Температура воды - плюс 1, воздуха – минус десять. После третьей тренировки сначала слег в больницу, а потом и подал в отставку госсекретарь здравоохранения. (Я это сразу взял на заметку и решил ввести обязательную сдачу норм по зимнему плаванию для всех, занимающих высшие посты. Отличный повод для медицинского отсева амбициозного старья!) Остальные прошли курс «молодого моржа» более успешно. Сам я уже был «моржом» со стажем. Еще до вступления в предельную государственную должность. Будь моя воля, я бы взял в делегацию только членов Ассоциации любителей зимнего плавания, но, как и в старые советские времена, Ассоциация состояла из людей разумных, но ненавидящих политику и политиков. Теперь я их понимаю лучше.

Уже в Москве на Киевском вокзале после помпезной встречи, помощник прошептал мне, что в дороге не обошлось без провокации: журналист «Нового Киевского Слова» заплатил машинисту и его охранникам, чтобы ехать в локомотиве «российского поезда-флага». Напоил всех, сократил дистанцию до опасной и даже несколько раз погудел. В российской вечерней прессе эта ситуация обсуждалась как метафора российско-украинских отношений. Особенно подчеркивалось, что Украина своим экономическим и географическим положением тормозит путь России в Объединенную Европу. Хорошо хоть одна газета взяла комментарий у украинского посла. Посол сказал только одну фразу. Зато какую! «Албания спокойно осталась в стороне от Объединенной Европы, находясь у нее в самой середине!»

-Ну, с Албанией он переборщил, - подумал я, проглядывая прессу в гостевой резиденции в Барвихе, сидя у камина. – А вообще молодец! Надо будет наградить! Отбиваться от всех нападков надо коротко, буквально одной фразой. Длинные объяснения никто не слушает!

-Принеси виски! – Приказал я помощнику.

-Там привезли церемониальную одежду, - помощник, поднимаясь со стула, кивнул на дверь.

-И одежду принеси!

Портплед из коричневой бразильской кожи явно был подарком. Как и комплект церемониальной одежды для завтрашнего праздника.

Я представил себе завтрашние заголовки домашней националистической прессы. Да, Романовы угнетали украинский народ. Запрещали украинский язык. Но они строили империю, а империя не может строиться только на основании одной нации. Надо поработать соседние. Можно даже сказать не поработать, а интегрировать соседние народы и территории в свое государство.

Шотландский виски «Balquider» был настоящим «Single Malt» из дубовой бочки, пролежавшей на одном боку сорок лет. Это я прочитал на этикетке.

Возле камина лежала вязанка дров с другой этикеткой «Русская береза. Made in Finland».

Я приказал помощнику узнать у министра лесного хозяйства, поставляются ли дрова русской березы в Россию. Если да, то по какой цене. Если нет, то почему.

Комплект церемониальной одежды состоял из плавок цвета украинского флага, из махрового халата такой же расцветки с голубым тризубом на нагрудном карманчике, и из махрового полотенца.

-Ну, как тебе? – спросил я у помощника.

-Царский подарок, - осторожно поделился он своим мнением.

Я усмехнулся. Помощник был прав, хотя в свои слова он вкладывал что-то другое.

2.

Москва. Январь 2013 года.

Большуший открытый бассейн – точная копия бассейна, на месте которого восстановили Храм Христа Спасителя, был построен на Воробьевых горах. С утра Москва, укутанная в снежный пух, белела, как волшебное сказочное царство. По распоряжению мэра города Лужкова-младшего выезд на дороги частных машин был

запрещен до 10 утра. В это время над Москвой совершили экскурсионный облет пять десятков больших вертолетов. Непривычно добрым показался огромный город с высоты в тысячу метров. Белые, покрытые нетронутым снегом улицы и проспекты казались замерзшими на зиму каналами. С этой высоты не влюбиться в Москву было невозможно.

Рядом с бассейном стояли временные деревянные домики-избушки. По сути – всего лишь комнатки для переодевания, но на входной и выходной дверях у каждой – государственный флаг. Чтобы гостям понятно было.

Я уже переоделся в церемониальные плавки, надел и халат, и тапочки, когда возникло в моей душе некоторое замешательство. Почувствовал я себя мелким, слабым, незаметным. Видимо давал о себе знать полет над Москвой. Государственные российские политпсихологи все рассчитали четко. Даже момент воздействия этого полета. И вот теперь я стою перед дверью. За ней – ковровая дорожка по снегу к лесенке, спускающейся в замерзший бассейн, превращенный в уютную с виду прорубь с ровными краями, украшенными еловыми и сосновыми ветками. Вот тебе Русь с высоты полета, а вот она тут же, внизу, у проруби. Исконная, суровая, холодная, навязчивая, торжествующая.

Кто-то стукнул по двери, перед которой я задержался. Это мой верный помощник. Я не знаю его имени. Да и знать не хочу. После неприятностей с предыдущим помощником я решил держать дистанцию. А лучшая дистанция – это когда ты ничего о человеке не знаешь. Ни имени, ни фамилии, ни места рождения. Зато и он не может к тебе обратиться. Никаких просьб, никаких жалоб. От кого? От человека без имени?!

Снег под ковровой дорожкой хрустит в такт моим шагам. Приятный морозец забирается под халат. Справа от меня по такой же дорожке в халате из британского флага идет молоденький премьер-министр Объединенного Королевства, лидер Консервативной партии. Слева осторожной походкой приближается к праздничной проруби здорово постаревший за последний год Ким Чен Ир.

А где же сам президент Путин? Я бегаю глазами по сторонам, но вижу сотни неразличимых лиц, объективы кино и телекамер. А! По другую сторону проруби стоит самая большая избушка-купальня, на крыше которой развивается российский флаг.

Вода приятно обжигает холодом. Эта часть проруби-бассейна – только для глав государств. Для членов официальных делегаций определен основной бассейн, который отсюда едва виден. Зато видно, что в основном бассейне-проруби через каждые три-четыре метра – плавучий столик с шампанским и закусками.

А здесь, в бассейне для глав, никаких столов. Мне на мгновение становится грустно. Это потому, что возникает естественное желание борьбы с холодом. Хочется пятьдесят грамм хорошей украинской водки. Но я уже приучен должностью противостоять своим желаниям. Хочется постоянно. Хочется повысить пенсии и зарплаты, вернуть долги шахтерам, хочется сделать страну счастливой и процветающей. Но обычно в такие моменты появляется Коля Львович или еще кто-нибудь, и четко объясняет: богатая страна – это бедное правительство. Бедное правительство – бедный президент, дешевые

машины эскорта, плохая отделка президентского авиалайнера и, в конце концов, потеря уважения коллег по политической карте мира.

Главы делегаций уже все в проруби, и ждут. И вот звучит российский гимн и двери главной купальни открываются. На ковровую дорожку выходит хозяин российских просторов. Он не изменился. Все также невысок, худощав. Год назад он вернулся к власти после четырехлетнего перерыва. Украина его поздравила по-царски. Подарила километр крымского берега под летнюю виллу. Только так смогли избавиться от совершенно бандитского Центра по охране крымской природы, с которым сама симферопольская власть справиться не могла. А тут всего одна группа российских спецов приехала принимать и оформлять дар, и сразу все руководство Центра пропало без вести.

В проруби Путин первым делом направился к новому президенту США.

Потом он переговорит с президентом Казахстана, и, наконец, подплывет ко мне.

3.

Москва. Январь 2013 года.

Президент США и английский премьер не выдерживают праздничной церемонии и выбираются из бассейна-проруби, где их уже ждут помощники с теплыми махровыми халатами в руках. Укутавшись, они тут же выпивают по рюмке водки, поднесенной девушкой в «российском» купальнике с кокошником на голове. И идут к надувному ангару, где накрыт традиционный русский стол. Для теплолюбивых лидеров. Остальные пока в проруби. Каждый ждет своей очереди поговорить с президентом России. Хочешь поговорить - терпи!

Мне как раз не трудно. Холодная вода приятно обжигает живот и ноги. Время от времени я погружаюсь до подбородка – надо стараться охлаждаться равномерно, чтобы не гонять по венам и артериям разно-теплую кровь.

Разговор у нас, как обычно в Крыму, начинается со взаимных претензий. Проблемы те же, но зато стабильные и легко откладываемые на далекое будущее. Хотя вспоминать о них приходится регулярно. Иначе не о чем было бы говорить. Долги за газ, Севастополь, отношения с Турцией и украинские батальоны на российской службе.

-Ты же ввел пропорциональные выборы в Парламент, – говорит он мне своим обычным равнодушным тоном. – Так почему же запретил проводить их в Севастополе?

-Вы же понимаете, что за места в парламенте борются партии, представляющие различные финансовые интересы. А в Крыму – партии, представляющие разные этнические группы. Если я дам добро, победит Российская партия Крыма, ну еще партия «Татарский Крым» получит процентов двадцать, а Украинскую партию Крыма даже к выборам не допустят. Что мне потом мудаки в Верховной Раде скажут?

-А ты им покажи номера их зарубежных счетов! Или, может, ты не знаешь, куда бюджет уплывает? Я могу поделиться. У меня на человека сорок из твоей рады досье есть. Прислать копии?

-Не надо.

-Смотри, не удержишь власть в центре - окраины осыпятся. Я отвернусь, границы закрою. Вентили закручу...

-Помните, вы предлагали провести операцию «чужие руки»? – Напоминаю ему я, выводя разговор на тот уровень, который ему нравится. Пора заставить его улыбнуться.

-А что, ты уже согласен?

-Почти. Надо только определить состав нашей бригады, которая пощиплет вашу верхушку.

-Чего определять? Могу сегодня же тебе передать. Имена всех твоих честных чекистов нам известны, а остальные нас не интересуют. Ты лучше определи границы, в пределах которых можно у тебя проводить зачистку...

Я киваю. Он смотрит на часы. Потом взгляд его маленьких глаз уходит мимо меня в сторону прохода-канала, через который в обычный день можно попасть в другие открытые бассейны этого комплекса.

-Ладно, туркменбаши подождет, - говорит он сам себе. Потом своим взглядом направляет мой в сторону того самого канальчика.

Там, из легкого тумана выплывает стол-ладья, над которым висит что-то странное.

Деревянная ладья с низенькими бортами, заставленная хрустальными фужерами, шампанским, горками блинов с икрой и прочим, подплывает ближе. Останавливается в центре бассейна-проруби. Теперь над ней можно четко увидеть лазерное голографическое изображение всей семьи последнего Романова. Они настолько реальны, что меня пробивает дрожь. Я ловлю на себе взгляд царя Николая, и хотя понимаю, что это всего лишь спецэффекты, но делается мне на мгновение страшно. Что-то холопье возникает в душе, да и сама душа, любящая холод и зимнее плавание, вдруг скукоживается, прячется.

Царевич Алексей вдруг поднимает руку и обводит ею всех собравшихся в проруби. Улыбается. Оборачивается. В его глазах – искренняя радость и любопытство.

-Утром над Москвой летал? – Спрашивает вдруг российский президент.

А я-то думал, что он уже отплыл.

-Летал, видел, - говорю я. – Красотища! Белые проспекты!

-Я хотел всем показать, что Москва не хуже Питера!

Голова российского президента не спеша движется в легком тумане над водой в сторону президента Молдавии.

А я не могу оторвать взгляда от царской семьи. Словно это изображение включило в моей генетической памяти рычажок верноподданничества.

-За Росссс-сссс-сию! – Гремит над комплексом усиленный чистый мужской голос. – За матушку городов и земель русских!

Рука тянется к ближайшему хрустальному фужеру.

4.

Киев. Май 1975 года, воскресенье, ночь.

В воздухе – смесь запаха цветущих акаций и каштанов. Мне четырнадцать лет. Я возвращаюсь пешком с легкой пьянки, из центра. Иду по совершенно безлюдной дороге. Улица Туполева. Слева – авиазавод, справа – забор овощной фабрики. За забором – легкое зарево искусственного рассеянного света – в теплицах не дают спать ранним огурцам и помидорам. Издалека слышны шаги человека. И мои шаги тоже. Я подстраиваю свой ритм под ритм чужих шагов. Я иду шаг в шаг с кем-то, идущим мне навстречу. Потом вижу его. Он идет по другой стороне дороги – мы соблюдаем традицию правостороннего движения (хотя я еще не знаю, что существует левостороннее). «Откуда идешь?» - Кричу я своему приблизительному ровеснику. «С Блюхера на Святошино!» – отвечает он. «А я с Саксаганского на Туполева!» Потом мы кричим друг другу: «Удачи!» И проходим мимо. Расстояние между нами начинает увеличиваться. Я сбился с ритма его шагов, постепенно его шаги затихли, как затих в моем теле недавно выпитый портвейн. Справа появился наш местный «то-ли-парк-то-ли-сад», за которым начинаются шахматные ряды «хрущовок». Первый ряд – это шестнадцатые дома, я живу во втором доме второго ряда. Восемнадцать-А. На пятом этаже. У меня в кармане ключ, которым я должен очень тихо открыть дверь. Но, уже свернув во двор, я вижу, что у нас на кухне горит свет. Меня ждут... Будет десять минут скандала. Потом все затихнет. И наступит понедельник.

5.

Киев. Май 1977 года.

Самым удивительным подарком на мое 16-летие оказался выжиматель для угрей. Его принесла Жанна. На самом деле в маникюрном наборе, привезенном ее отцом из Сирии, лежало два таких выжимателя: для крупных угрей и для мелких. Для крупных она оставила себе. Позже она показывала мне этот набор – десяток хромированным инструментиков с перламутровыми ручками. Для удаления забившейся под ногти грязи, для отжимания и мягкого обрезания заусениц и прочее. А вот назначение двух инструментиков, похожих на миниатюрные ложечки с аккуратной дырочкой посередине, она поначалу понять не смогла. Но инструкция на арабском сопровождалась рисунками. И все мгновенно стало ей ясно. У нее были большие угри на лбу, а у меня маленькие на

носу. На носу я и опробовал ее подарок. За столом как раз пили за мое здоровье, а я, закрывшись в ванной комнате, нос к носу со своим зеркальным отражением подносил выжиматель дырочкой к очередному угрю и вдавливал маленькую ложечку в нос. Белый длинный угорь тотчас проходил сквозь аккуратную дырочку, словно нитка сквозь ушко иголки, и сворачивался малюсеньким ужом. Я сдвигал ложечку в сторону и подносил очередного побежденного врага к глазам, после чего вытирал его с ложечки кусочком туалетной бумаги.

Когда я вернулся к столу, нос у меня был краснее морковки. Но не такой яркий. Настроение равнялось выпитой бутылке красного шампанского. И самые теплые взгляды я дарил в этот вечер Жанне. А когда мои родители демонстративно ушли в кино, мы потушили свет, включили магнитофон и объявили белый танец. Конечно, меня пригласила Жанна. И с этого начались наши романтические встречи. Кстати угри на ее лбу вскоре пропали. А я вышел из возраста полового созревания. Проще говоря, созрел.

6.

Киев, Святошино. 31 декабря 1977 года.

На часах – одиннадцать вечера. В авоське – холодная из-за уличной температуры бутылка “Мускатного Игрстого”. Нас трое – я, Игорь Мельник и Юра Каплун. Этим вечером мы неудачники. Светкины родители собирались в гости, а мы собирались к Светке, чтобы у нее встретить новый год. Но там случилась драма. Ее мама обнаружила у мужа в шкафу загорелый, в котором накопилось триста рублей из недоданной в семейный бюджет зарплаты и пачка презервативов. Она устроила скандал. Он дал ей в глаз. Скандал затих. А синяк под глазом светкиной мамы остался. В результате они остались дома и будут праздновать вдвоем. Даже Светку отправили к двоюродной сестре.

Запасной аэродром не был подготовлен. Улицы пустынные. Температура – минус десять. Мы идем от одного автомата газоды до другого, но все стаканы украдены до нас. За каждым окном – радостный праздничный свет. Там пьют и смеются дети Советского Союза, а мы, как пасынки, не знаем, куда себя приткнуть? К чьей любви прислониться? У чьей печки погреться?

Когда из форточки первого этажа доносится телевизионный звон курантов и хозяин – паразит – докручивает ручку громкости до максимума, у меня на глазах выступают слезы. Слезы обиды.

Мы заходим в ближайшее парадное. Прислоняемся к ребристым батареям – хоть они теплые. Юра открывает шампанское и мы по очереди передаем бутылку друг другу. Как индейцы трубку мира. Шампанское пить из горлышко трудно. Оно воздушное, кислое. Рвется пузырьками в нос, а потом и из носа.

-Ничего, скоро пьяные пойдут по улицам гулять, - успокаивает нас Игорь Мельник. – Найдем себе кампанию!

7.

Крым. Судак. Июль 1982 года.

-Эй. Кто крайний?

Очередь перед бочкой с белым кисляком оборачивается. Точнее каждый оборачивается назад, чтобы удостовериться, что он не крайний. Все мужики, все в плавках. У половины в руках трехлитровые банки.

-Я, я – крайний, - признается старичок в плавках и панамке.

Мы втроем подходим. Мы – это я, Валико из Москвы, и длинный Женька оттуда же.

У нас две трехлитровки и кулек свежих мидий. Мы спешим, потому что жарко. Потому что мидии бывают свежими очень короткое время.

Вскоре они шипят на листе железа, под которым горит дерево, выброшенное морем на скалистый берег. Они выплевывают из себя последние капли влаги.

А мы пьем кисляк. Продавщица при бочке сказала, что это не вино, а бракованное шампанское. То есть шампанское без газа. По вкусу этого не скажешь, но оно холодное, а солнце печет невероятно. Плюс тридцать пять. Поэтому нам наплевать – бракованное ли это шампанское. Или бракованное вино. Мы просто сидим на камнях и ловим кайф. Ловите, пока ловится. Любите, пока любится.

Мы здесь только третий день, поэтому еще не разобрались: кого любить. Надо, конечно, собраться, пойти на дискотеку в какой-нибудь санаторий и там уже осмотреться. Но это, может быть, завтра. А сегодня нам и втроем хорошо.

-Классный одесский анекдот! – Объявляет Женька. – Сидит еврей на мосту и чешет свои яйца. Подходит к нему другой такой же и спрашивает: «Сеня, что ты сидишь на мосту и чешешь свои яйца?». «А что, - отвечает Сеня. – Ты хочешь, чтобы я сел на них и чесал мост?»

Мы смеемся. У нас нет выбора. У нас нет программы максимум. Мы реалисты. У нас будет три недели мидий, холодного вина из бочки, и душевная женская кампания, которая, если процемнтируется и пропахнет друг другом, соберется здесь же и следующим летом.

8.

Киев. Июль 1983 года. Пятница.

В ресторане «Дубки» на Сырце празднуются одновременно четыре свадьбы. Три – по беременности. Четвертая – тихая и немолодая. Не невеста, конечно. Сама свадьба. Жениху – лет пятьдесят, невесте – около тридцати. Гостей у них мало – человек восемь. Они негромко сидят за составленными в один прямоугольник тремя столиками. Я бы подумал, что просто встретились старые друзья, если б один из них, краснолицый в

полосатом костюме-троечке с ослабленным узлом серебристого галстука не провозглашал время от времени «Горько!».

Моя свадьба – «по беременности». Поэтому за столом только мы со Светкой, да родственники. «Ничего, – думаю я. – Через пару дней отмечу ее по-настоящему. С друзьями и без жены!»

В Киеве от жары закипает асфальт. Его запах витает даже здесь, в ресторане. И исчезает он только, когда подносишь к самому носу стопку водки. Если подносишь бокал с шампанским – запах асфальта остается.

«Нет ли здесь предупреждения? – думаю я, разрезая тупым ножом котлету по-пожарски. – Может, запах асфальта – это символ семейного быта?»

Я смотрю на часы, подаренные позавчера будущим тестем. Они стоят. Заводить их не хочется. Ведь если заведу – они начнут отсчитывать минуты моей новой не свободной жизни!

Когда-нибудь я разведусь, и буду платить алименты. И часы показательно верну бывшим родственникам. А пока атмосфера праздника мечется между вынужденным счастьем и мудрой еврейской грустью.

9.

Киев. Сентябрь 1983 года. Суббота.

За окном шелестит по листьям дождь. Окно давно не мытое. В коридоре роддома тихо. Под холодной батареей стоит блюдце с молоком, возле него спит котенок. Рыжий и худой. Толстая нянечка в грязном белом халате проходя мимо, останавливается, опускается на корточки и гладит спящего котенка.

-Бедолашный, - говорит она сочувственно. Потом поднимается и, не обращая на меня никакого внимания, уходит.

Приглушенный крик роженицы долетает откуда-то из недр роддома. Я тоже в этих недрах, но судя по крику, между мной и роженицей две-три двери или перегородки. Может, это Светка?

Я прислушиваюсь. Снова звучит крик, но крик – не голос. Трудно разобрать, кому он принадлежит.

Снова тишина. Котенок проснулся и пьет молоко.

Женщина-врач быстро проходит коридором и исчезает за белой дверью. На двери никакой таблички нет, значит, и за ней нет ничего конкретного. Просто кто-то рожает.

Снова крик, только теперь уже другой.

Опять мимо меня проходит толстая нянечка. В руках швабра и железное ведро, на котором красной краской написан инвентарный номер.

-Извините, - останавливаю я ее. – А сколько обычно роды тянутся?

-Пока ребенок не родится, - отвечает она и уходит.

«Ну ладно, будем ждать,» - вздыхаю я. Потом думаю, что даже чекушки крымского портвейна с собой не принес, чтобы отпраздновать! Смотрю на часы, подаренные тестем перед свадьбой. «Ракета», белый металл, хромированный браслет. Половина второго ночи.

В коридор входит женщина-врач. Ее взгляд останавливается на мне.

-Ваш ребенок родился мертвым, - говорит она таким тоном, будто я в чем-то виноват.

Я растерян. Я не знаю, что делать.

-Мальчик? Девочка? – спрашиваю.

-Мальчик. Жену вашу оставим здесь на три дня, пока швы не схватятся. А вы можете идти.

10.

Киев. Сентябрь 1983 года. Воскресенье. Ночь.

Дождь шелестит по листьям. Все размыто. И под ногами, и перед глазами. Осень везде, даже внутри меня. Я, несостоявшийся отец, бреду вдоль дороги домой. Усталое безразличие вдруг уступило место слезам. Слезы стоят в глазах, словно из солидарности с осенним дождем.

Я сворачиваю на Туполева. Размытый желтый цвет фонарей и такие же желтые глаза автофар – вот и все освещение этой ночи.

Над овощной фабрикой – легкое зарево тепличного люминисцентного света. Возле ворот фабрики на лежащем фонарном столбе кто-то сидит. Я подхожу ближе и улавливаю слухом негромкие ритмичные всхлипы.

Приседаю на корточки и заглядываю в лицо, наклоненное уставшим подсолнечником к земле.

-Тебе плохо? – спрашиваю.

-Очень плохо! – отвечает молодой девичий голос. – Меня с работы выгнали!

-За что?

-Начальнику смены не дала!

-Молодец! – пытаюсь ее ободрить.

Она поднимает лицо и смотрит на меня заплаканными глазами. Ей лет восемнадцать. Крашенная блондинка с размытой косметикой на лице. Но под всем этим что-то настоящее. Настоящее переживание своего несчастья.

-Мне тоже плохо, - говорю, чтобы ее успокоить.

В ее глазах вспыхивает огонек надежды. словно она хочет подробнее узнать о моих несчастьях и потом сравнить их со своими.

-У меня мальчик родился мертвым, - добавляю я.

Она еще выше поднимает голову и смотрит на меня внимательнее. Мол, давай, давай, жалуйся на жизнь!

-Жену оставили на три дня в роддоме. Пока швы не схватятся.

-Какой вес? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

-Мертвых же не взвешивают, - думаю вслух. – Но имя ему надо дать. Чтобы лучше запомнить!

-Ты его видел?

-Нет.

-Если хочешь, пойдём к тебе! – предлагает мокрая, заплаканная блондинка.

-Мы с моими родителями живем.

-Тогда пошли ко мне, в общагу. Тут рядом. Только надо будет через окно лезть, чтобы Бурчиху не разбудить – это наша комендантша. Она – дура, чуть кто из парней в гости – сразу милицию вызывает.

-Пошли, - соглашаюсь я.

Домой мне не хочется по многим причинам.

11.

Киев. Сентябрь 1983 года. Воскресенье. Ночь.

-Дай телефон твоих родителей! – Требует комендантша общежития. В комнате под потолком горит лампочка без абажура. На одной кровати как ни в чем не бывало спит

толстуха лет тридцати. На второй сидит в одной юбке, прикрывая руками тощую грудь, та, с кем я сюда пришел. Я не понимал, кто кого собирался утешать этой ночью, но пятнадцать минут назад я подсадил ее, помог забраться в окно этого высокого первого этажа. Потом пролез сам. Потом она сняла куртку и свитер, сказала, что ей холодно и пошла в соседнюю комнату, чтобы тихонько взять из тумбочки подружки бутылку «Мадеры». Как только вернулась, вслед за ней зашла комендантша Бурчиха и включила свет.

Вот и вся история!

-Я его не знаю! – Испуганно повторяет девушка с тощей грудью.

-У нас три дня подряд пропадают вещи! – строго глядя мне в глаза говорит комендантша, женщина-сервант лет пятидесяти. Она стоит в дверном проеме и полностью его занимает своим телом. – Дай телефон родителей! Пускай приходят и платят за тебя штраф! Или я вызову милицию!

-Вызывайте, - говорю я. Меня охватывает полное безразличие. Сегодня – ночь потерь, но у меня такое ощущение, что терять мне больше нечего.

Оказывается, я не прав. Комендантша вызывает криком в темный коридор какого-то полупьяного дядю Петю, который держит меня за руки, пока она звонит в милицию.

-Как ты залез в общежитие? – Допрашивает меня уже в райотделе на улице Щербакова сонный сержант. – Через окно?

-Да.

-С целью совершить кражу личного имущества?

-Нет.

-А в морду? – Сержант отрывает взгляд от протокола, который он составляет и упирается этим бычьим взглядом в мое лицо.

-Меня девушка привела.

-Она тебя первый раз в жизни видит!

-Да, мы только познакомились, и она меня привела в общагу.

-Ну, послушай, что ты врешь! Как может девушка первого встречного ночью вести в свою комнату? А?

Я пожимаю плечами. Сержант смотрит на часы – пол третьего. В двери заходит моя мать.

-Что он натворил? – Спрашивает со слезами на глазах. - Что ты наделал? Что ты нам жить не даешь! Сволочь! Подонок! Паразит! Тунеядец!

-Успокойтесь, гражданка, - неодобрительно смотрит на нее сержант. – Ваш сын хотел совершить кражу личного имущества из общежития работников овощной фабрики.

Возникает пауза, во время которой в голове моей матери проносятся все возможные сценарии, и интонация ее меняется.

-Вы поймите! Они же без отца росли. Он погиб на полигоне. Военный, офицер, капитан. У него брат больной, я все время за братом ухаживаю. С работы домой, из дому по врачам...

-Понятно, - останавливает ее сержант. – Можно, конечно, обойтись хулиганством, но злым. Влезть в женское общежитие это же не окно разбить!

-А ну выйди в коридор! – Командует мне мать.

-Кто здесь сержант? – Думаю я, и подчиняюсь.

Через пять минут меня возвращают в кабинет.

-В следующий раз будешь умнее! И будешь думать о последствиях! – Говорит мать и уходит.

А меня оставляют. Я получаю десять суток и десять суток подметаю территорию райотдела. Мою полы на первом и втором этажах. Тайком играю в очко с шестидесятилетним Зямой, получившим 15 суток за то, что нагадил под дверь соседке, написавшей на его двери мелом слово «жид».

12.

Киев. Октябрь 1983 года.

Десять суток подметания двора райотдела милиции пошли мне на пользу. Не только потому, что я завел полезные знакомства. Нет. Прежде всего, у меня там обнаружилось предостаточно времени для размышлений о человеческих ценностях и морали. Это если говорить громко. Если же выбирать камерные слова и выражения – я успел не только поплакать о своей судьбе, но и подумать о будущем. Я понял, что жизнь сама, как река, вынесла меня во двор этого райотдела, и теперь от меня зависело: поплыву я дальше по течению, или попробую сам выбирать маршрут. Что у меня позади? Школа, десяток работ, ни на одной из которых я не задерживался дольше трех месяцев, и свадьба. А теперь вот первые 10 суток ареста. Что впереди? Практически вся жизнь, только вот с чего ее заново начать? С развода?

О разводе Светка заговорила сама. Когда я вернулся из милиции домой к родителям, ее вещей в нашей комнате уже не было.

-Она тут тебе письмо оставила. – Сказала мать. - Я его не читала!

Конверт был заклеен, но надорван. Да и письмо, когда я его вытащил, пахло селедкой. Моя мать любила селедку, и два раза в неделю на ужин у нас был форшмак с картофельным пюре.

«Сережа,
Извини меня. Мне кажется, что смерть нашего ребенка – это предзнаменование, знак против нашего брака. Второе предзнаменование – это твои десять суток. Думаю, нам надо развестись. Если ты не против – позвони. Я у своих. Целую, Света.»

-Ишь ты, - удивился я. – А как же на счет того, что бог троицу любит?

Но я все-таки позвонил и сказал: «Я не против». Она, кажется, обрадовалась. Развод прошел быстро. Все сделали ее родители через своих знакомых в ЗАГСе.

-Это надо отметить! – Сказал мне приятель Женя, живший двумя этажами ниже.

Я и отметил. Взял бутылку портвейна «три семерки» и вечером пошел в райотдел милиции. Нашел арестовавшего меня сержанта, и мы неплохо посидели в его дежурке. Выпил с нами за мой развод и молоденький лейтенант. Дагестанец. Марат Гусейнов.

-Будут проблемы – заходи! – Сказали они мне на прощанье.

13.

Киев. Октябрь 1983 года. Вечер

А дожди льют и льют. Друг Женька с третьего этажа притащил видик и кассету с порнухой. Мама уехала к портнихе. Мы смотрим и удивляемся.

-У них такое каждый день по телику показывают, представляешь! – говорит Женька. – А у нас – программа «Время» и «Сельский час». Смотреть нечего!

На экране в бассейне плавает голышом немолодая грудастая женщина. Время от времени она подплывает к бортику и сама гладит свою грудь. При этом странно улыбается.

Я пожимаю плечами.

-А ты бы хотел все время вот такое по телику видеть? – спрашиваю я.

-Подожди, дальше интереснее будет! – обещает Женька.

Дальше на кассете почти то же самое, только под конец фильма появляется мужик, раздевается до гола и тоже ныряет в бассейн. Сначала они говорят по-английски. Конечно, без перевода. Потом уже занимаются делом, но из-за воды практически ничего не видно.

Я снова пожимаю плечами. Смотрю вопросительно на Женьку.

-Это не та кассета! – извиняется он. – Мне другую обещали, а притащили эту...

Отключив громоздкий видик от телевизора, он уносит его вместе с кассетой. И я остаюсь один. В принципе не так уж и поздно, но за окном льет дождь, и кажется, что уже ночь, и что она никогда не закончится.

14.

Киев. Октябрь 1983 года.

Без четверти восемь. Вечер. За «шестнадцатыми» домами готовится драка. Не обычная, а почти ритуальная – «стенка на стенку». С нашей стороны – человек пятьдесят. Наша сторона – это ребята из «шестнадцатых» и «восемнадцатых» домов. Плюс пацанов десять, живущих возле школы №27. Большинству бойцов – лет шестнадцать-семнадцать. Мне – 22. Я – штабной. Мы с Женькой думаем о стратегии и тактике.

-Дай трешку, я схожу за портвейном, - к нам подбегает Витя-лысый. – Гастрик закроеся!

Я нехотя достаю трешку. Витя-лысый убегает. Шумит ветер. Наш то-ли-парк-то-ли-сад раскачивается кронами, и тоже шумит. Где-то далеко гремит гром.

-Знаешь, - я шепчу Женьке. – Оставайся за меня. А я сбегаю за подстраховкой. Скажи нашим, чтобы цепи доставали в самом конце и в крайнем случае. Только если увидят, что «круги» дерутся нечестно!

Как разведчик я тихонько прохожу мимо толпы «кругов» – наших соперников с улицы Щербакова. Замедляю шаг, прислушиваюсь.

-Прутами по ногам! – Доносится до моих ушей. – Потом ногами замесим...

Я возвращаюсь к Женьке.

-Слышишь, дело серьезное. У них железные пруты. Скажи ребятам, чтобы сразу били цепями. По ногам.

Через пятнадцать минут я, запыхавшись от бега по темноте, залетаю в милицейский райотдел.

-О! А ты чего здесь! – Окрикивает меня из окошка дежурного лейтенант Марат Гусейнов.

Я просовываю голову в окошко.

-Щас месиво будет, стенка на стенку. Между шестнадцатыми и садом. У «кругов» – железные пруты.

-А у твоих?

-Цепи.

-Пруты тяжелее, - задумчиво кивает лейтенант. – Так что, предлагаешь спугнуть?

-Не сразу. Минут десять надо подражаться, чтобы посмотреть: на чьей стороне сила, а потом – спугнуть.

Лейтенант Гусейнов поднимает голову и смотрит на настенные часы в дежурке.

-Через полчаса футбол. «Динамо» (Киев) – «Динамо» (Тбилиси). Надо бы успеть.

-Я побежал! – Говорю я. – Через пятнадцать минут!

-Ладно, - спокойно кивает лейтенант, и рука его тянется к толстой белой клавише на громоздкой мини-АТС.

Драка начинается почти спонтанно. Со стороны «кругов» в толпу наших ребят летит половинка кирпича. Кто-то кричит от боли и тут же вся рать, вытащив цепи и раскручивая их, мчится на противников. С балкона третьего этажа ближайшего дома всматривается в драку мужик в белой майке. Всматривается, перегибаясь через перила, и кричит: «Вызовите милицию! Кто-нибудь! Вызовите милицию, у меня нет телефона!»

Со стороны общежития овощной фабрики выплескивается на дерущуюся толпу свет автомобильных фар. Слышна милицейская сирена.

Я пытаюсь понять: кто побеждает, но не могу. Приходится все время уклоняться от ударов. Уже два раза прут пролетал над моей головой. «А еще говорили «по ногам», возмущаюсь я двойной нечестностью противника.

-Менты! – Кричит кто-то.

И драка начинает распадаться, рассыпаться, растворяться в темноте.

Ментовский «газон» едет медленно. Ясно, что они никого не хотят ловить. Если поймают – надо составлять протокол, садить в клетку. А футбол?

Из-за ствола старой вишни я наблюдаю за опустевшим полем боя. Два милиционера в свете фар поднимают с земли пруты и цепи. И вдруг оба поворачивают головы в сторону куста орешника. Оттуда слышен стон.

-Кто это может быть? – Нервно думаю я. – Не дай бог кто-то из наших!

Менты вытаскивают парня из-под куста и подводят к машине. При свете фар осматривают и ощупывают ему голову.

Это же Белый! Сын учительницы!

Я выхожу из-за дерева. Иду к машине.

-Это Вася Белый, - говорю ментам. – Давайте, я его домой отведу!

-А ты кто такой? – Спрашивает озадаченный прапорщик с побитым оспой лицом. – Ты что, тоже из этой банды!

Я всматриваюсь в лицо второго мента – тоже не знакомое.

-Давай их обоих в машину! – командует прапорщик.

«Газон» разворачивается, и мы с Васей молча смотрим, как остаются позади ребра хрущовских пятиэтажек, деревья сада-парка, общага овощной фабрики.

Я напряжен. Мне кажется, что это какие-то другие менты. Может, этих вызвал кто-то из «кругов»? А мои просто забыли?

Но «газон» подъезжает к знакомому, много раз подметенному мною райотделу. Там уже нас встречает Гусейнов. Васе на разбитую голову выливают пузырек зеленки, и потом мы вместе с ментами смотрим футбол.

После первого тайма счет 2:1 в нашу пользу.

15.

Киев. 31 декабря 1984 года.

Ну и метель! Идешь не по улице, а сквозь стену колючего, бьющего в глаза снега. К тому же темно, и уличные фонари видны только, когда подходишь к ним. Они похожи на сказочные цветы – желтый шарик на бетонном стебельке. Снизу вверх посмотрел: увидел, а отошел и оглянулся – снег в глаза, а за снегом – темень.

Я поднял воротник овчинного кожуха. Воротник высокий. Впритык к кроличьей шапке-ушанке. Только глаза мои открыты снежным атакам. Но я потерплю.

У меня в сумке – две бутылки коньяка и одна кипрского муската с красивым названием «Лоэль». А иду я к ментам в райотдел. Праздновать Новый Год. Выбора особого и не было. Месяц назад приятеля Женьку забрали в армию. Продавщица овощного, с которой вроде бы намечался романчик, напугала меня просьбой познакомить ее с моими родителями и отпраздновать новый год в моей семье. Чтобы не убежать с позором, я придумал у себя подозрение на сифилис. И она срочно уехала праздновать к себе на родину в Винницу. Это было неделю назад. А сейчас я с ужасом думаю: как это я вообще мог с ней познакомиться, с этой Ритой? Пьяный, что ли, был?

И вот оказалось, что только менты мне рады. Оно, конечно, понятно. И я им понятен. Даже подписал какие-то там бумажки, будто согласен быть внештатным сотрудником милиции и принимать в чем-то участие. Но это им для отчетности. У них в конце года оказалась нехватка учтенных осведомителей. Помня об их помощи во время разборок с «кругами», я согласился улучшить их отчетность. И вот – награда. И Гусейнову как раз старшего лейтенанта присвоили.

Уже в райотделе, приняв из моих рук принесенные бутылки, сержант Ваня прячет их в общий холодильник. И они звенят, ударясь о бока стоящих там бутылок шампанского и водки. Десять вечера.

Я помогаю составить вместе два письменных стола, и получается большой стол-квадрат.

-А скатерть? – Спрашиваю я.

-Будет тебе скатерть! – Весело отвечает сержант Ваня. Он убегает и возвращается с огромной целофанированной политической картой мира.

Застилает ею стол. Конечно, это не скатерть, ее края не свисают, как положено. Но стол она закрывает, и это главное.

В одиннадцать садимся. Сидеть неудобно. Боком приходится сидеть. Коленки трутся об ящики письменного стола.

Политическая карта мира покрывается нарезанной колбасой, салом, хлебом, бутылками и стаканами. Еще один сержант, знакомый мне только своим лицом, приносит двухлитровку салата «оливье».

Без четверти полночь мы уже пьяные и веселые.

-Забыли! – Гусейнов вдруг хватается за голову. – Как Новый Год встретишь, так и проведешь!

Он вскакивает со стула и пружинящим шагом выходит. Синяя форменная рубашка у него растегнута почти до пупка. Здесь действительно жарко.

-Быстро! Быстро! – Слышен голос Гусейнова.

Кого это он подгоняет? Я оборачиваюсь к двери и вижу двух входящих девушек, сильно накрашенных и несильно одетых.

-Так, бабочки мои, - командует Гусейнов. – К столу! Как это мы про вас забыли!

Девушки оказываются проститутками, арестованными утром в местном притоне. Выясняется, что их было пять, но трех забрали в Ленинский РОВД и я теперь понимаю – почему.

-С кем Новый Год встретишь, с тем и проведешь! – Сержант Ваня наливает «бабочкам» водки. – Давайте, родимые, догоняйте нас! Впереди шампанское!

«Бабочки» опустошают стаканы и закусывают кусочками сала. А Гусейнов уже открывает шампанское. Потом включает телевизор. Как раз вовремя - перед ударами курантов.

-С новым годом! – Мощным басом говорит телевизионный диктор, спрятавшийся за картинку зимнего Кремля.

Праздник идет по нарастающей. Алла Пугачева поет про начинающего волшебника, а «бабочки» по убедительной просьбе уже старшего лейтенанта Гусейнова раздеваются догола и забираются на стол. Танцуют.

Ваня снова наливает мне водки. А девчонкам – моего коньяка.

Я пытаюсь возмутиться. Как это – проституткам коньяк, а мне «белую»!

-Смотри, - кивает на девчонок сержант Ваня. – У них знаешь, какая тяжелая жизнь? Пускай порадуются хоть в праздник. Они – это народ. Ты – не народ. Это их постоянно е..ут, а не тебя...

Его пьяное варняканье начинает меня раздражать, но после очередного стакана водки я понимаю, что он прав. И соглашаюсь с ним.

К четырем утра крашенная блондинка Соня уже сидит у меня на коленях, и я вижу в ее глазах красивый розовый туман. Розовый потому, что глаза у нее красные и расфокусированные.

Гусейнов заваривает чайник чифиря, и приводит нас в чувство.

-П..здец, - говорит он, устало мотая головой. – Праздник закончен! Надо убираться, а то еще майор нагрянет!.. Девчонки! Амнистия! На хер отсюда. Протокола не будет, но телефончики оставьте! Ты, - он поворачивает взгляд в мою сторону. – Бутылки и мусор в кулек и спасибо за кампанию...

Я пытаюсь встать. Получается, но с трудом.

Первое утро 1985 года кажется удивительно свежим, как свежайшая «докторская» колбаса. Город отгулял и заснул. В свете уличных фонарей искрится снежная корка улиц и газонов.

В голове у меня шампанское, в ногах – водка, а в душе – чувство радостной невесомости. Словно на самом деле меня подняли и понесли. Понесли в светлое будущее.

16.

Киев. Январь 1985 года.

-Когда ты уже на работу устроишься? – Кричит с утра мама.

Я с трудом открываю глаза. Первый взгляд – на будильник. Без четверти восемь. Второй – на кровать напротив. Братец Димка спокойно дрыхнет. Хорошо быть свихнувшимся. «Димочка, вот тебе горячее молочко с медом, вот тебе гречневая каша с маслом!».

Он спит лицом ко мне, и во сне словно принюхивается к чему-то. Как лошадь поводит ноздрями. Наверно, ему что-то снится!

Я наблюдаю за его даже во сне подвижным лицом, и думаю: «Какой же он мне близнец? Ну, ничего общего! Не то, чтобы, конечно, совсем ничего. Лоб такой же, и такие же ямочки на щеках, когда улыбается, и брови тоже едва заметно над переносицей сходятся. Но все остальное! И сама улыбка, и то, как он смотрит, и то, как смеется! Все совсем другое. А голос – тот вообще ни на что не похож. Голос у него тринадцатилетнего обиженного подростка. У меня такого голоса и в двенадцать, и в десять лет не было!»

-Вставай, тунеядец! – В спальню снова заглядывает мама. – В десять к Диме врач придет! Смотри, что б никуда не уходил! Дождешься, покажешь его, – кивает на спящего братца, – врачу, и запомнишь все, что тот скажет!

Я лениво сбрасываю ноги на пол, усаживаюсь на кровати. Холод линолеума щекочет пятки.

-Холодно! – Жалуюсь я.

-А ты хоть раз помогал мне щели в рамах заклеивать?

Она не ждет ответа, она его знает. Почти все вопросы у нее риторические. Только, когда она отдает свои приказы, только тогда ждет. И даже не ответа, а подтверждения получения приказа или хотя бы кивка головы.

В начале девятого в квартире снова тишина. Можно было бы опять прилечь, но желания нет. Я сижу в спортивных трусах на кухне, на холодной табуретке. Меня пробирает дрожь. Она же меня и бодрит лучше всякой зарядки. Вот еще немного пободрюсь, а потом зажгу газ под сковородкой, в которой лежит оставленный мне матерью завтрак. Гречневая каша и две сосиски. Потом, когда братец проснется, мне предстоит сварить ему два яйца и проследить, чтобы он съел их без скорлупы. Впрочем, он и так ест яйца без скорлупы. Он ведь не дурак, не полумок какой-нибудь. Скорее всего, он вообще нормальный, даже умнее меня. Просто притворяется шизиком, но тихим. В результате он и обходится матери дешевле, чем я. На него даже какое-то пособие платят! И ничего с него взамен не требуют. А я все время то тунеядец, то паразит! Ну не нашел я еще себе место в этой жизни! Не нашел! Куда ни пойду работать, все кажется скучным.

А мать опять мою трудовую на сервант выставила, чтобы отовсюду ее, эту синюю книжицу, видно было! Ладно, думаю я, снимая ее с серванта. Занесем куда-нибудь, попробуем еще какую-нибудь специальность освоить! Кем я уже только не был. И свежий асфальт разглаживал, после чего три недели от меня горелой смолой пахло. И вагоны разгружал. Куда бы теперь двинуться?

Я зажигаю газ под сковородкой, и вижу, как оттуда, из-под сковородки, выбегает напуганный огнем таракан. Увидев меня, он еще больше пугается, резко разворачивается и стрелой уносится в щель между плитой и грязно-зеленым кафелем кухонной стенки.

Чего ты меня боишься?! – Пожимаю я плечами. – Я такой же паразит, как и ты! Только другого вида.

Теперь я уже окончательно взбодрен, и даже хочется что-то предпринять. И я беру маленький коричневый бумажный пакетик с надписью «Пищевая сода», высыпаю всю эту

соду в эмалированную миску. Добавляю воды. Беру в умывальнике тряпку и, повозив ее в мокрой соде, начинаю чистить кафель вокруг плиты. Меня останавливает запах подгоревших сосисок. Я выключаю газ под сковородкой. Но к этому времени весь кафельный угол кухни очищен от жира и блестит. Посмотрим, что мама на это скажет, когда вернется с работы!

А за окном падает снег. За окном все удивительно бело и чисто. Я прислоняюсь к холодному стеклу лбом и смотрю вниз, на улицу. Там дворник прорыл в глубоком снегу узкие дорожки, по которым черными толстыми ежиками движутся тепло одетые женщины с хозяйственными сумками. Они занимаются своими хозяйствами. Они идут за селедкой или за докторской колбасой. Они живут полноценной советской жизнью.

17.

Киев. Февраль 1985 года. Вечер.

Скучный и безлюдный Андреевский Спуск. Черт меня дернул пойти по нему вниз, на Подол. Булыжники, покрытые гололедом. Я уже падал три раза, а не дошел еще и до середины спуска. Теперь иду по правой стороне, придерживаясь руками за холодные стены домов. В окнах горит желтый свет. Он вываливается жирными лунными пятнами под ноги, на эту неровную наледь. Справа – Замок Ричарда. Все окна тоже горят. Тут я бывал у приятеля в огромной коммуналке на втором этаже. Дощатые полы, огромные тараканы и запах хозяйственного мыла.

Автоматически я «пробую» носом воздух, словно ожидая, что и сейчас, в этот морозный вечер, ветерок принесет мне со стороны обшарпанного «замка» знакомый запах этих коричневых брикетов мыла, которое никогда не дорожает – вечная цена в 19 копеек.

Но воздух тут ничем не пахнет. У мороза нет запаха. Запах есть у всего, что оттаивает.

Я еще два раза падаю и качусь вниз по спуску, пока мои ноги не упрутся в какую-нибудь преграду. Снова поднимаюсь. Осматриваю свои джинсы – удивительно, как это они до сих пор не порвались. Но это еще один плюс морозной зимы. Гололед всегда гладкий.

Наконец спуск позади, а впереди – ровное пространство. Сворачиваю налево в переулочек и выхожу как раз к протезной мастерской, где мне и назначила свидание Надя. Наде с виду лет тридцать. Она меня постарше, но только возрастом. Когда она рассуждает – хочется погладить ее по головке, потрепать ее короткие русые волосы, и посоветовать читать побольше книжек, чтобы поумнеть.

В остальном, то есть когда она молчит или вздыхает, она просто прелесть.

Я стучу в деревянную дверь протезной мастерской и наблюдаю за окном справа от двери. Там горит свет, и свет этот какой-то необычный. Он не желтый, а зеленоватый.

Дверь открывается. Надя в синем рабочем комбинезоне быстро затягивает меня внутрь и закрывает дверь на засов. Тут же обнимает, лезет целоваться и шепчет: «Ой, какой ты холодненький!».

Бутылка десертного вина, три пирожка с капустой, два граненых стакана. Все это, выставленное на табуретку возле самодельного «электрокозла» с рдеющей, разливающей раскаленное тепло спиралью, могло бы вдохновить любого художника на достойный натюрморт.

-Сюда никто не придет? – Спрашиваю я.

-Нет, начальник погнал к любовнице, а мастер – в запое. Раньше, чем через три дня не появится.

Бутылка десертного вина выпивается быстро. Продавленная кушетка застилается тремя слоями брезента, чтобы вырывающиеся пружины не поцарапали наши бедра. Ради смеха я беру к нам под старый полосатый плед протез ноги и по очереди глажу ножку Нади и будущую ногу какого-то инвалида. Нам смешно, тепло и весело.

-Ты жениться не хочешь? – Спрашивает меня Надя.

-На тебе?

-Ну да!

-И что мы потом с тобой будем делать?

-То же самое! – Надя весело улыбается.

-Тогда зачем жениться? – Смеюсь я.

И мы оба смеемся. Я выбрасываю из-под пледа протез. Он с грохотом падает на деревянный пол мастерской.

-А чего у тебя такая маленькая грудь? – Спрашиваю я.

-Лучше маленькая и твердая, чем большая и вялая! Поцелуй ее! Нежнее! Нежнее! Еще нежнее!

Я учусь. Хотя, должен бы уже все уметь.

-Вот так! Вот так! – Шепчет она. – А теперь тут! – И ее рука уводит мою руку вниз к ее бедрам.

Как легко повиноваться женщине! Легко и естественно!

Кто-то стучит в окно. Я замираю. Останавливаю взгляд на старом зеленом абажуре, объясняющем загадку зеленоватого света в окне. «Надо было выключить» – думаю я.

-Кто там? – Кричит Надя.

-Вася есть? – Прорывается внутрь хриплый мужской голос.

-Он дома, в запое! – Кричит в ответ Надя.

Я поднимаюсь. Обхожу «электрокозла» и выключаю свет. Теперь все освещено раскаленной спиралью обогревателя.

Снова ныряю под плед. Замечательный зимний вечер продолжается. И мне не жаль, что, стремясь сюда, я столько раз падал и набивал синяки. Спуск может быть труднее подъема. Было бы ради чего или кого спускаться!

18.

Киев. Февраль 1985 года.

-Вот сейчас допью и прыгну на хер отсюда вниз! – Говорит Гусейнов и перегибается через перила моста.

Я хватаю его за воротник короткого ратинового пальто и тяну назад. Здесь, на пешеходном мосту, сильный и колкий ветер. Еще пару порывов и наша вторая бутылка «Московской» покатится, разливаясь. Мы ее еще и до половины не допили.

-Как мне теперь отцу в глаза смотреть! – Гусейнов оборачивается ко мне. На лице – пьяное отчаяние.

-Да перестань ты! Ведь не посадили! Ну не будешь ты ментом!

-А кем я буду? Пистолет забрали! Форму я не отдам, но носить не могу!

-Поедешь к своим, в Дагестан, там носи сколько хочешь!

Мысль о том, что в Дагестане он сможет носить ментовскую форму, кажется, немного успокаивает его.

-Ты пойми, я же не мог по-другому! Ну, представь, у тебя в обезьяннике сидит твой двоюродный дядя, а ты его сторожишь! Что он потом твоим родным скажет? Ты бы ведь тоже его отпустил!

Я отрицательно мотаю головой.

-Не отпустил бы? – Удивляется он.

-Нет.

-А земляка?

-И земляка бы не отпустил!

Гусейнов тяжело вздыхает, нагибается за бутылкой и пьет из горлышка. Потом передает бутылку мне.

Я пью, отвернувшись в сторону Труханового острова. Пью, хоть во рту и противно от этой водки. Пью и смотрю на странную землю, на голые деревья, на заснеженный неясный берег.

-У нас не так, - говорит Гусейнов. – Если младший что-то сделал и попался – ремнем его или кулаками отделал и отпустил, а если старший – то просто отпустил. У нас нельзя своих сажать, понимаешь? Нас мало и почти все – родственники.

-А нас много и мы почти все друг другу – никто!.. Знаешь, если я стану генсеком, я прикажу, чтоб тебя обратно в милицию взяли!

Пустая бутылка катится по мосту, на котором никого кроме нас нет. Стекло глухо позвякивает, ветер подвывает. Мост, кажется, раскачивается. Или это нас от выпитого качает.

Я сравниваю расстояние до берегов. Похоже, что мы стоим прямо по середине.

-Пошли! – Гусейнов кивает в сторону острова.

-Пошли! – Соглашаюсь я.

Остров приближается, но тут с неба начинает сыпаться снег. Мы прибавляем шагу, чтобы не потерять из виду Труханов остров. Снег густеет, морозец бодрит, прогоняя из головы хмель. Ноги заплетаются.

Потом все вокруг становится снегом. Я не понимаю, где я, где Гусейнов, где остров. Я ничего не понимаю, и иду в белом мраке, сам не зная куда, пока вдруг под ногами не раздается треск. Ноги мои проваливаются в мокрый холод. Уходят на добрый метр с половиной вниз, и вновь под ними появляется твердь. Я расставляю руки в стороны и кладу их на лед. Мне хорошо. Мне страшно холодно и хорошо. Холод сжимает меня, уменьшает в размерах, позволяет лучше прочувствовать каждый квадратный миллиметр тела. Вот оно – испытание на приятную прочность.

-Так можно ведь и до ручки допить! – Звенит над головой старческий голос, в котором уже стерлись признаки пола.

Я думаю, что еще стою в холодной проруби, но, оказывается, нет! Я лежу на раскладушке, накрытый пледом, одеялом и овчинным кожухом. А рядом гудит буржуйка, и на табуретке возле нее сидит старик с горбатым носом.

-Вы только подумайте! – Говорит он. – У вас такой здоровый организм, а вы его гробите! Вы же в этой проруби заснули! Вам что-то снилось?

Я смотрю на него непонимающе.

-Несчастливая любовь? Или на работе неприятности? – продолжает он свой вопросительный монолог с надеждой на мое участие.

-Несчастливая любовь? – Думаю вдруг я. – Точно! Вчера Надья не пустила меня в протезную мастерскую, и я отчетливо слышал оттуда, изнутри, мужской голос. После этого я вернулся на Нивки, и пошел к ментам погреться. А там ребята отмечают неприятности – Гусейнов выпустил пойманного с поличным квартирного вора, который оказался дагестанцем и его дальним родственником. Вот и выстроилась цепочка от несчастной любви до проруби на берегу Труханового острова.

-На выпей! – Дед сует мне под нос стаканчик.

Выпить действительно хочется. Я осушаю стаканчик одним глотком, но ничего не чувствую. Только странный сладкий привкус на языке.

-Что это? – Спрашиваю.

-Отвар из крапивы.

-Так это вы меня вытащили? – Я вдруг начинаю что-то понимать.

-Ну да, - кивает он горбатым носом. – Сначала вытащил из проруби, потом вернулся за санками, потом на санках тебя сюда! Часа два возился! Думал, не выживешь!

-А Гусейнов?

-Какой-то Гусейнов? Не было там больше никого!

Старик оказывается последним жителем Трухановой слободы. Но живет он там, в землянке просто из протеста. И в память о слободе живет. Жена и дочь согласились на комнату в коммуналке, а он нет.

-Как вас зовут? – Спрашиваю я.

-Давид Исаакович.

19.

Киев. Февраль 1985 года.

Полная тишина и какой-то медицинский, больничный покой в душе. Словно закрыли меня в холодильнике, и рядом лежит все свежее и холодное. И я такой же лежу на большой полке.

Я открываю глаза и понимаю, что медицинская тишина мне только что снилась. В землянке темно и тепло. Только темные, бардовые отблески мигают в темноте, да огонь в закрытой буржуйке потрескивает негромко.

Я накрыт чем-то тяжелым. Вытаскиваю наружу руку, и щупаю свое одеяло. Нет, это не одеяло. Это шинель. Вот ее рукав. Пальцам вдруг становится холодно, и я прячу руку обратно, зажимаю ладонь между своими горячими ляжками. Удивительно, почему всегда, когда я греюсь под одеялом, все тепло скапливается между ног?

-Надо будет найти какую-нибудь книгу о человеческом теле, - думаю я, снова засыпая. – Ведь я явно чего-то в этом деле не шарю, не понимаю! А, может, мне пойти учиться в медучилище? На фельдшера?

Я еще успеваю вспомнить вечно пьяного фельдшера в нашей воинской части. Конечно, это был стройбат, а в стройбате пили все, кроме казарменных крыс. Что мы там строили?

Засыпающий мозг нехотя подсказывает: кофейную фабрику во Львове.

-Нет, - не соглашаюсь я. – Не фабрику, а склады...

И наконец снова засыпаю. Снова заезжаю вместе с невидимой полкой в чистый и холодный холодильник. И дверь за мной захлопывается с характерным металлическим щелчком.

20.

Киев. 23 февраля 1985 года.

-Ты в армию ходил? – Спрашивает меня Давид Исаакович из-под стола.

Там у него съестные запасы и он, нагнувшись, пытается что-то достать. Шелестит полиэтиленовая скатерка. Наконец он выбирается и поднимает над столом кулек с картошкой.

-Так ходил или нет? – Снова спрашивает он, и теперь смотрит мне прямо в глаза. А я смотрю на его горбатый нос.

-Ходил, - я киваю. – Два года родине отдал.

-Значит не только мой праздник! – На лице старика улыбка. – А я в сорок пятом знамя победы повесил!

Из кулька на стол выкатываются пять картошин.

-Они мороженные, но для пюре сойдут. У меня еще кое-что есть! Это хорошо, что ты пришел! – Взгляд Давида Исааковича уходит на бутылку принесенного мною портвейна. – Ты хозяйственный, и добро помнишь!

-А вы на рейхстаге знамя вешали? – Интересуюсь я.

-Нет, до Берлина я не дошел. В другом городке повесил. Жаль, названия не помню. Точно знаю, что в Германии. Если б название помнил, написал бы письмо в их посольство! Может, в гости бы пригласили!... Только хрен бы наши выпустили!.. Ты женат?

-Нет. Я один.

-Как один? – Удивляется старик. – Один-единственный, как партия? А родители?

-Нет, мама есть, и брат есть. Близнец. Только он тихий псих.

-А сердечной подруги, значит, нет, - многопонимающе качает головой Давид Исаакович. – Тогда открывай портвейн и сходишь сейчас в морозильник за деликатесом!

Я оглядываюсь по сторонам. В прохладной, не смотря на горящую буржуйку, землянке лишь самодельная кровать, стол, две табуретки и ящик с кастрюлями и тарелками.

-А морозильник где? – Спрашиваю.

-Слева от двери. Два шага сделаешь влево, потом аккуратно рукой снег смети – там ящик.

В «морозильнике», а на улице действительно минус пятнадцать, я нахожу пол-литровую банку с тушеным кроликом. Вокруг молча стоят голые деревья. Труханов остров напоминает заброшенное кладбище. Еще довольно рано, около часа, а воздух уже теряет свою прозрачность, сереет, сливается со свинцовым небом, в котором зреют очередные снегопады.

Банку открыть нечем. Мы ее разбиваем чугунной сковородкой. Снимаем с замерзшего цилиндра кролячьей тушенки битое стекло. Потом, отказавшись от самой идеи пюре, бросаем «вымытую» в снег картошку в чугунный казанок, туда же цилиндр тушенки, закрываем крышкой и ставим на буржуйку.

-Знаешь, - говорит Давид Исаакович, попивая мелкими глотками портвейн. – У меня ведь законная дочь есть! Мира. Давай, познакомлю!

-Давайте! – Соглашаюсь.

-Она из очень интеллигентной семьи. Мать у нее – костюмерша в Оперном, отец – вот он, перед тобой. Мне уже пятьдесят было, когда она родилась!

-Сколько же ему теперь? – думаю я, опять сосредотачивая внимание на горбатом носу старика.

-Другого отца у нее не было, но мать – умница. Штаны умеет шить – просто шик! Даже гладить не надо, если правильно после стирки повесить! Я тебе адрес дам, и записку!

-А вдруг у нее тоже горбатый нос? – закрадывается подозрение в мое смягченное портвейном сознание.

-А знаешь, тут у нас, на Трухановом, раньше все было. И винная лавка, и кладбище свое. На нем мой брат похоронен!...

За окном уже темно. Портвейн выпит. Уходить не хочется. Там, снаружи, страшно и холодно. И снова падает снег.

-Я уже высохший, много места не занимаю, - говорит старик, расстилая кровать. – Нам тут с тобой вдвоем теплее будет! А завтра с утра напишу записку, и поедешь к моей Мирочке. Она тебе понравится!